

Сегодня большому русскому художнику Илье Кабакову исполняется 70 лет. Его лучше знают в мире, чем на родине

Разминувшийся со своим зрителем

Пятнадцать лет назад Илья Кабаков уехал из Москвы, где должен был стать таким же популярным в постсоветское время художником, как Илья Глазунов был в позднее советское.

Ольга КАБАНОВА

Для тех, кто любит и понимает искусство, соединение этих фамилий может шокировать, но дело не в уровнях дарования и не в пути, которым эти художники шли к успеху, а в точности попадания в общественные настроения, в тайные зрительские ожидания. Но если бы Кабаков в России остался, он не смог бы создать самые главные, самые большие свои произведения, принесшие ему почет и славу в художественном мире.

Открывшуюся вчера для берлинских зрителей выставку «Berlin — Москва. Moskau — Berlin. 1950—2000» весной смогут увидеть москвичи. Возможно, им покажут и одну давнюю кабаковскую инсталляцию, а возможно, и нет — решение будет зависеть от западного владельца «Танцующая цивилизация».

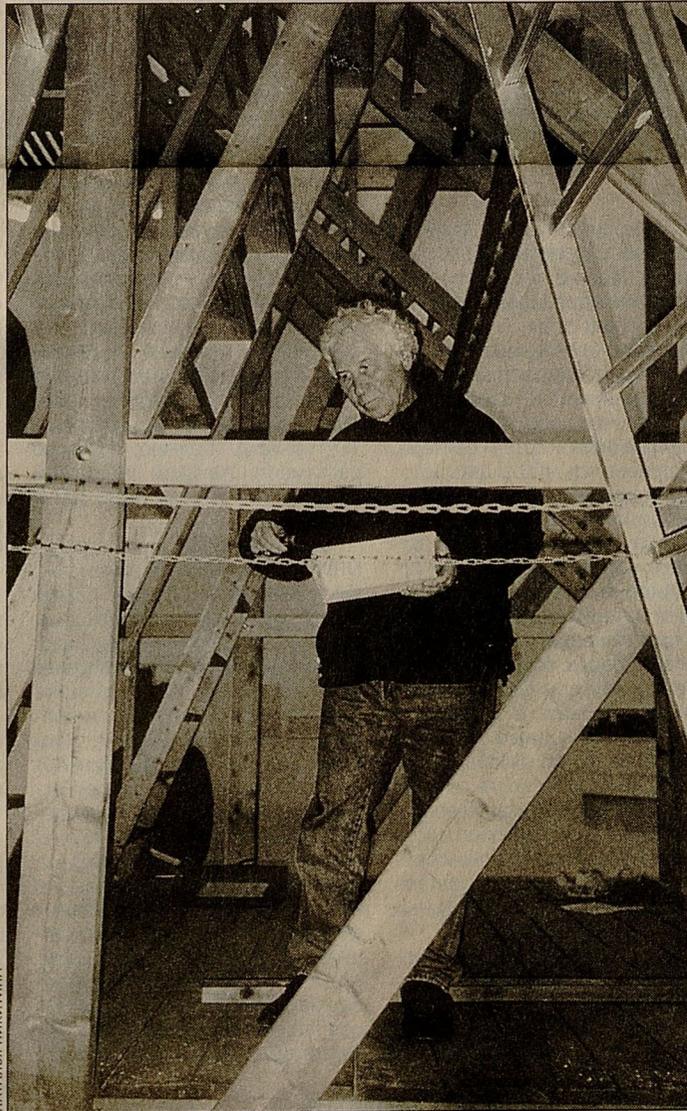
На долгом открытии выставки Томас Рот, которого немцы называют своим «главным журналистом по России», в речи-эссе употребил такой странный для русского уха перечень фамилий: Пушкин, Малевич, Кабаков. На огромной «Москве — Берлине» инсталляция Кабакова о цивилизации мух — одна из многих заметных, но не главная. (Зато на франкфуртской выставке «Коммунизм: фабрика мечты» на инсталляции Кабакова — мощный смысловой финальный аккорд.) В центре выгороженного пространства висят на невидимых нитях муляжи мух, образующие очертания купола, рядом — ящичек, где все виды этих назойливых насекомых псевдонаучно классифицированы, и виртуозный текст, написанный от имени несуществующего академика о том, как многолетние наблюдения привели к неожиданному выводу, что «сегодня весьма определенно можно предположить существование до

сих пор неизвестной и хорошо организованной цивилизации».

В этом смешном исследовании о цивилизации мух есть все характерные черты кабаковских работ — зрелищность («мухи», как будто танцуют, образуют купол), смысл и то особое нежно-сентиментальное настроение, которое остается от каждой кабаковской вещи, созданной от имени и для человека, которого традиционно называют маленьким. Герой, зритель и сочинитель инсталляций Кабакова вырос из гоголевской «Шинели» и из прозы Платонова. Этот «коммунальный» человек и воссоздание его мира — главное достижение Кабакова.

Однажды, очень давно, я увидела Кабакова в Третьяковке, рассматривающего «Сватовство майора» Федотова. В прошедшую субботу министр культуры РФ Михаил Швыдкой и министр культуры ФРГ Кристина Вайс встретили Кабакова на выставке Репина в Берлине и приветствовали как живо го классика.

Отправляясь в командировку смотреть российские выставки в Германии, я мечтала сделать с Кабаковым интервью. Не повезло. Во Франкфурте после монтажа своей инсталляции он выглядел таким смертельно усталым, что его жена и соавтор Эмилия Кабакова не допустила меня к нему. Настаивать было стыдно. Не дождавись вернисажа, Кабаков уехал из Франкфурта в Бохум, где была громкая премьера оперы Мессиана «Святой Франциск Ассизский» с его сценографией. Ринувшаяся за Кабаковым директор Московского дома фотографии Ольга Свиблова потом рассказывала, что ничего более волшебного она не видела. Кабаков построил на сцене светящийся купол, от которого глаз оторвать было невозможно. На следующий день после премьеры французская газета «Монд» с восторгом

Илья Кабаков строит свой мир

писала о 22 тоннах арматуры и километрах кабеля, из которых Кабаков построил свой мерцающий храм на сцене.

Все же презрев все человеческие правила поведения ради выполнения профессионального долга, я настигла Кабакова с женой на открытии «Москвы — Берлина». Разговор получился похо-

жим на страницу одного из знаменитых альбомов художника с записью разговоров жителей коммунальной квартиры.

Ольга Кабанова: Эмилия, умоляю, может быть, Илья скажет мне хоть несколько слов.

Эмилия Кабакова: Нет, он устал, никаких интервью.

О.К. (умоляюще): Ну один вопрос. Были ли вам предложения от российских музеев сделать выставку к семидесятилетию?

Э.К.: Нет, ни одного.

О.К.: А если бы были, вы бы приехали?

Э.К.: Это очень трудный вопрос. Мы не можем на него ответить. Масса проблем, надо переезжать с места на место.

О.К.: А хотелось бы?

Э.К.: Тоже не можем ответить. Чего ты не знаешь, на это ты не можешь ответить.

О.К.: Мне жаль, что наши зрители не видели последних работ Ильи, мне кажется, что они именно сегодня актуальны и утешительны. А вам обидно?

Э.К.: Мы не готовы отвечать.

О.К. (настойчиво): Но вы бы сделали в России такие же работы, вам все равно, где их делать?

Илья Кабаков (включается в разговор): Нет, совсем не все равно, где делать.

О.К.: А что бы вы сделали в России?

И.К.: Я не готов к интервью.

Э.К. (возмущенно): Говорила, один вопрос! А это интервью! Никаких интервью!

Не интервью, а чистый Хармс. Но оно не значит, что Кабаков, как многие художники, не умеет или не любит говорить. Он исключительно владеет словом, о чем свидетельствуют и тексты к его инсталляциям — великолепный образец стилизации — и запись его бесед с Борисом Гройсом (последняя воспроизведена в каталоге к выставке «Коммунизм: фабрика грез» по-немецки и по-английски), да и Свибловой, делающей о Кабакове фильм, перед камерой он говорил много и обо всем. Но ему явно нет необходимости говорить в каждый оказавшийся перед ним микрофон случайные слова.

Большую часть своей жизни Илья Кабаков провел в Советском Союзе, работал книжным иллю-

стратором (официально) и делал свое искусство (неофициально). Слава пришла к нему за границами родной страны, там же он создал, выстроил, самые большие и значительные свои произведения. Сейчас ведутся переговоры об участии его в большом проекте превращения заброшенных шахт под Дюссельдорфом в арт-объекты. Я видела эскизы. Если найдутся деньги для реализации замысла, получится работа, которая войдет в историю современного искусства. У нас в стране даже мечтать о таком проекте невозможно.

Официальная советская политика «в области изобразительного искусства» оставила глубокий след в зрительском сознании. При старом режиме художники искусства неофициального были известны немногим, теперь, когда потребность в понимании, чем же была советская страна и ее жители, стала насущной, — почти все они уехали, вместе со своими работами. Теперь лучшее, что сделали не только Илья Кабаков, но и Эрик Булатов, Виктор Пивоваров, Иван Чуйков, Комар и Меламид, можно увидеть в европейских музеях и на зарубежных выставках. И не потому, что, например, в Германии наших художников как-то особенно любят. Просто там потребление искусства, как и всякое потребление, выше, чем у нас. Выставка «Москва — Берлин. 1950—2000» — крупное событие, но сколько больших и интереснейших выставок проходит в эти дни в немецкой столице! Для нас же эта выставка — не просто развлечение, а недавняя, еще до конца не отрефлексированная собственная история.

Если московская версия «Москвы — Берлина», которая, уже известно, будет отличаться от берлинской, покажет шедевры советского неофициального искусства нуждающемуся в них зрителю, то о бюджетных миллионах, потраченных на это культурно-политическое мероприятие, никто не пожалует.

Берлин—Москва

30.09.03
Кабаков Илья (художник) — 70 лет.